

Николай Добролюбов

**Стихотворения Н. М.
Языкова**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения Н. М. Языкова

«...считаем нелишним указать также и на первое время поэтической деятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгул» воспевал он только между прочим, а лучшую часть своей деятельности посвящал изображению чистой любви к родине и стремлений чистых и благородных. В то время муза его была еще свободна от многих предрассудков кружка, которые заметны в некоторых произведениях последних годов его жизни. Тогда он воспевал родину – не как безусловно совершенную страну, которой одно имя должно повергать в священный трепет, не говоря уже о ее пространстве, ее реках, морозах, кулаках и прочих затеях русской остроты. Нет, источник его тогдашнего сочувствия к родине был гораздо выше: он славил ее подвиги, ее благородные порывы, без всякого затаенного желания приписать их именно известному времени или стране...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Н. М. Языкова**

При них приложены: его портрет, facsimile, сведения о его жизни и значении и написанное о нем в разных периодических и других изданиях. Две части. СПб. 1858 г.

Языков – тоже славянофил в своем роде, и вот почему нисколько не удивительно, что г. Перевлесский, издавший уже славянскую грамматику и хрестоматию (в которую, впрочем, не попал Языков), издает, между прочим, и Языкова. Стихотворения этого «певца вина и страсти нежной» до того нравятся г. Перевлесскому, что он, не довольствуясь одним разом, считает нужным, для удовольствия читателей, напечатать некоторые из них два раза в одной и той же книжке. Так, напр., в 1-й части, на стр. 4-й напечатаны три элегии[1], а на стр. 94–95 той же части – те же элегии, только уж каждая порознь. На стр. 96-й 1-й части – послание Т-ву, а на стр. 296-й 2-й части – то же послание с заглавием: «Татариннову». Из этого видно, что желание некоторого библиографа, чтобы все русские поэты изданы были так же тщательно, как теперь Языков, – не совсем справедливо. Впрочем, издание г. Перевлесского хорошо тем, что в нем помещены все статьи, какие были писаны по поводу стихотворений Языкова. Вместе со статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого тут же есть и отзыв Белинско-

го, который повторять нет нужды[2]. Для любителей веселого чтения тут же находится и рецензия «Библиотеки для чтения», весьма остроумная.

Не считая нужным входить в рассуждения по поводу значения Языкова в истории русской литературы, мы решаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, более других почтенную, но менее известную русской публике. На Языкова смотрят обыкновенно как на певца разгула, вина, сладострастия или как на возвышенного патриота, бранившего всех немцев нехристью, прославлявшего Москву, старину и хвалившего

*Метальный, звонкий, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык...
[3]*

Все это было в своем роде превосходно. Но мы считаем нелишним указать также и на первое время поэтической деятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пирры и разгул» воспевал он только между прочим, а лучшую часть своей деятельности посвящал изображению чистой любви к родине

и стремлений чистых и благородных. В то время муза его была еще свободна от многих предрассудков кружка, которые заметны в некоторых произведениях последних годов его жизни. Тогда он воспевал родину – не как безусловно совершенную страну, которой одно имя должно повергать в священный трепет, не говоря уже о ее пространстве, ее реках, морозах, кулаках и прочих затеях русской остроты. Нет, источник его тогдашнего сочувствия к родине был гораздо выше: он славил ее подвиги, ее благородные порывы, без всякого затаенного желания приписать их именно известному времени или стране. Он потому любил родину, что видел в ней много великого или по крайней мере способности к великому и прекрасному, а вовсе не находил прекрасным и великим все русское – только потому, что оно народное, русское. В последствии времени Языков уклонился от своего первоначального чистого направления и сначала признал разгул очень хорошою вещью, воображая, что тут сидит русская народность.

Не призывай чужого бога

Живи и пей по-своему[4], —

советовал он одному из своих приятелей.

Так точно впоследствии увлекся он другими особенностями русской природы и жизни и, воображая, что в них-то и есть чистая народность, издевался над немцами, не умеющими ходить по гололедице, уверял с увлечением, что картины Волги краше, чем распрекрасный Кавказ, да побранивал – и очень бесцеремонно – тех, кому не нравились публичные лекции г. Шевырева, в которых, по выражению поэта, ожила

*Святая Русь – и величава,
И православна, как была...[5]*

Всего этого не было в произведениях ранней молодости поэта, в период 1822–1825 гг. Тогда он обращался к временам бедствий России, среди которых именно мог проявиться великий дух народа. Таковы, напр., песни барда, из времен монгольского ига. Вот что поет бард, обращаясь к Димитрию Донскому, пред битвой с Мамаем («Стих. Языкова», ч. I, стр. 25):

Твои отцы – славяне были,

*Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи – злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?*

*Когда с толпой отважных бра-
тий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто, сильный, сдержит пред то-
бой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица,
При виде гневного бойца?*

*Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!..[6]*

Освобождение Руси от ига монгольского внушило Языкову несколько стихотворений, которые, по силе выражения и по чистоте выражаемого в них чувства любви к отечеству, должны быть отнесены к числу лучших его произведений. Нельзя без удовольствия пере-

читать даже в настоящее время его «Песни барда во время владычества татар в России» (стр. 18). Она сопровождается у Языкова примечаниями, взятыми из истории Карамзина и поясняющими его выражения («Стих. Яз.», ч. I, стр. 18–19); но мы полагаем, что читатели наши не нуждаются в этих примечаниях, и потому приведем только самые стихи, ярко рисующие бедствия Руси при татарах.

*И вы сокрылися, века полночной
славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца вели-
чавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восста-
нет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетия протекут, и русский
меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах.
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще молодой баян
На голос предков запекает:*

*Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглашает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь
слезы.*

Те же чувства выражаются и в других стихотворениях ранней поры Языкова. Но, к сожалению, источник их был не в твердом, ясно сознанном убеждении, а в стремительном порыве чувства, не находившего себе поддержки в просвещенной мысли. В этом заключается, по нашему мнению, главный недостаток всех поэтов пушкинского кружка. Языков не мог удержаться сознательно на этой высоте, на которую его поставило непосредственное чувство; у него не доставало для этого зрелых убеждений и просвещенного умения определить себе ясно и твердо свои стремления и требования от своей музыки. Оттого-то во всей его поэтической деятельности выражается какое-то намерение, никогда не исполняемое, потому что поэт бессилен его исполнить. Он восклицает иногда довольно решительно:

*Во прах надежды мелочные,
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытит молодые
Делами чести и добра!..[7]*

И в то же самое время тот же поэт восклицает, с неменьшею решительностью:

*Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!..[8]*

Так вот чем насыщаются молодые надежды относительно чести и добра! Вот где поэзия находит свое полное осуществление!

Немного спустя Языков опять говорит в стихотворении «Поэту»:

*Иди ты в мир, да слышит он про-
рока, —
Но в мире будь величествен и
свят!
Не лобызай сахарных уст порока
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияние денницы,
Ужасен ли судьбины произвол:*

*Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн
твоих;
В тех звуках раб свои забудет му-
ки,
И царь Саул заслушается их!..*

Переверните страницу (7) в нынешнем издании стихотворений Языкова, расположенных в хронологическом порядке, и вы прочтете в стихотворении «Кубок»:

*Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял; душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой... – и пр.*

Вот каков этот смелый и отважный орел, этот пророк, грядущий в мир! Вот каковы его поэтические звуки, стройные и сладостные,

*В которых раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их.*

Поэт напрасно ищет во всем мире этого чудного забвения: он находит его только в ви-

не.

С течением времени остепенился и Языков. Г. Перевлесский говорит об этом с откровенным простодушием, может быть, даже не чуждым иронии, – по крайней мере оборот речи, употребленный издателем Языкова, не особенно благоприятен для последнего периода деятельности поэта. «Во время странствований Языкова по целебным водам, – пишет г. Перевлесский, – в годы тяжелых страданий от сокрушительного недуга, разгульный строй его лиры нередко менялся на важный и торжественный, вместо игривых, разудалых песенок слышались спокойные, величавые и благоговейные песнопения отчизне и религии». Итак, нужны были страдания сокрушительного недуга, чтобы отучить Языкова от его песенок! Но, отучивши от песенок, к чему же болезнь приучила его? Ни к чему, – решительно. В это время, как и прежде, под влиянием важного настроения духа, Языков мог написать две-три возвышенных звучных пьесы; но общий характер, содержание поэзии до конца жизни осталось у Языкова одно и то же. Изменение только в том, что поэт беспре-

станно *сожалеет* теперь о том, что прежде воспевал с таким восторгом. Из пьес серьезного направления, написанных Языковым в один из последних годов его жизни, есть одна действительно замечательная вещь – «Стихи на памятник Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здесь изображение времен Грозного. Но, вообще говоря, бессилие Языкова пред серьезными вопросами и идеями было в конце жизни, может быть, еще более, чем в начале его поэтической деятельности. В стихотворении «Землетрясение» он задает поэту задачу, которою, как известно, восхищался Гоголь: [9]

*Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли,
Носись душой превыше страха
И ликам ангельским внемли.
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.*

И прежде, как мы видели, Языков призывал поэта к проповеданию истин людям; теперь он только иначе мотивирует свое требо-

вание. Как же это призвание выражается у него в тот период его поэзии, к которому относится «Землетрясение»? Вот как:

*В Москве там вас, – я помню, я
Не раз, не два, и всенародно,
Пел горячо и превосходно,
Громко-хвалебными стихами,
Усердно поклонялся вам.
И подобает тем стихам
Хвала моя...*

Смотрите вот:

*Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде
Почти не смею доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде[10].*

Смеем думать, что последние стихи относятся не к одному только восстановлению здоровья поэта, а и к его поэтическому характеру. То же может подтвердить и другое послание, относящееся к тому же времени и начинающееся стихами:

*В достопамятные годы
Милой юности моей*

*Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали...*

и продолжающееся так:

*Поэтически-живая,
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная,
Жизнь тяжелая, – но я...
Тот же я...[11]*

Оба эти стихотворения писаны, как видно, тогда, когда Языков немножко выздоравливал. Они объясняют нам, как смотреть на его грустные сожаления о том, что он вину и кутежу

*Уже не может, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу...[12]*

Да, в натуре Языкова были, конечно, некоторые задатки хорошего развития; но у него мало было внутренних сил для разумного поддержания своих добрых инстинктов. Он погубил свой талант, воспевая пирушки да побранивая немецкую нехристь, тогда как он мог обратиться к предметам гораздо более высоким и благородным. Так, впрочем, погиб

не один он: участь его разделяют, в большей или меньшей степени, все поэты пушкинского кружка. У всех их были какие-то неясные идеалы, всем им виднелась «там, за далью непогоды», какая-то блаженная страна. Но у них недоставало сил неуклонно стремиться к ней. Они были слабы и робки...

*А туда выносят волны
Только сильного душой!..[13]*

Комментарии

Очевидно, опечатка: элегии помещены на стр. 40–41.

[^^^]

Отзыв Белинского о Языкове, приведенный в сборнике «Стихотворения Н. М. Языкова» (ч. I, СПб. 1858), представляет собой отрывок из его статьи «Русская литература в 1844 году» («Отечественные записки», 1845, кн. I).

[^^^]

3

Из послания «К. К. Павловой» («Хвалю я вас...», 1844).

[^^^]

Строки из стихотворения Языкова «Татарину» (1826).

[^^^]

5

Из стихотворения «С. П. Шевыреву» (1845).

[^^^]

6

Из стихотворения «Баян к русскому воину»
(1823).

[^^^]

Из стихотворения «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву» (1826).

[^^^]

Из послания «К Пельцеру» (1828).

[^^^]

См. письма Н. В. Гоголя к Языкову «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844) (Н. В. Гоголь, Поли. собр. соч., АН СССР, 1952, т. VIII, стр. 278–281).

[^^^]

Из стихотворения 1844 г. «К. К. Павловой»
(«Тогда, когда жестоко болен...»).

[^^^]

Из стихотворения 1846 г. «К. К. Павловой».

[^^^]

Неточная цитата из послания «Князю П. А. Вяземскому» (1844).

[^^^]

Из стихотворения «Пловец» (1829).

[^^^]